

Драматург Геннадий Островский точен в описании солдатского быта, сам служил в войсках ПВО. Снимали в воинской части Киржача, выбранной из сорока других за сохранение реликвий советского времени. Лоскутное одеяло фильма сшито из несокрушимого солдатского эпоса. Перетекающие друг в друга байки про несурзные армейские будни, по сути, есть развернутый пролог к финалу.

С первым снегом все герои фильма — салаги-первогодки и курсанты, контуженные Афганом сержанты и развязные дембеля — уезжают на войну. Ту самую «новогоднюю» операцию в Грозном, с которой никто не вернется...

На фоне полуфабрикатных российских фильмов последнего времени «Солдатский декамерон» смотрится вполне законченным сочинением — с крепкими актерскими работами, подробным бытом, ярко прописанными характерами. Жаль,

фильму не хватает единого драматургического дыхания, оттого запоминающиеся скетчи крошатся на отдельные анекдоты.

Рядом с военными в «Солдатском декамероне» главные жертвы гарнизонных городков — женщины. Профессионально несостоявшиеся, недолюбленные, сдыхающие от скуки в захолустье «декабристки». Вера Юлии Высоцкой — жена трижды разжалованного старлей Пантелеева. Полусумасшедший старлей переодевается по ночам привидением и пугает солдат, подмигивая им красными лампочками: мол, рано списываете, есть еще порох в пороховницах. Пока муж чудит, жена сутками прозябает в одиночестве. Кроит и шьет себе необыкновенные наряды, в которых некуда выйти. А сохнущему по Вере дембелю достается награда — снята на поляроид главную красавицу гарнизона в выходном платье. С вырезом. В финале припорошенные снегом солдаты будут пе-

редавать из рук в руки ее фотографию. В том самом нарядном платье. Словно она уезжает с ними на войну.

Про Юлию Высоцкую первым делом говорят: жена Андрона Кончаловского, русско-голливудского режиссера. А как иначе: он — известный и талантливый, она — молодая и красивая? Но экрану на проекции и семейственность наплевать. Беспомощность, как и талант, крупным зерном проступит хоть в цветном, хоть в черно-белом изображении. В «Доме дураков» ее роль юродивой Жанны еще не лишена ученичества и некоторых переживаний, тем не менее удивляла храбростью и временами точным попаданием в «дурной» образ. Теперь в «...декамероне» совсем другая, можно сказать, мягко характерная роль вдовушки при живом муже. Совсем другая Высоцкая, способная к правдивому существованию в трудном рисунке экзальтированного несчастья.

Высоцкая!

4.12.05

— В театре Янки Купалы вы играли роли героинь в «Огнясь во гневе», «Безмянной звезде» и даже в «Лысой певичке» Ионеско. Вы когда-нибудь задумывались о своем актерском амплуа?

— Думаю, амплуа определяют режиссеры и критики. Меня пока ведет то, что Толстой называл энергией заблуждения. Почему-то кажется: я могу играть все, хотя, конечно же, это не так.

— Обычно ваши героини — беззащитные, страдательные, «...декамероне».

— Когда мы с Андрюшей Прошкиным только начинали работать, я волновалась. Кинопроба вообще — не самая приятная вещь. Не знаю артистов, которые бы любили пробы. Что-то он себе придумал, хотел посмотреть, могу ли соответствовать. Но я-то сочинила совсем другой характер. В результате все-таки получилась его версия. Хотелось сыграть резче. Ведь я сама до 16 лет жила в военных городках, видела женщин, у которых много любви, не нужной ни мужчинам, которые служат, ни армии, ни обществу. А когда еще Бог детей не дал... В фильме эта линия смягчена. С другой стороны, есть общая картина, которую режиссер составляет из образов, актерских решений. Ему виднее, какая красота предназначена в этом оркестре мне. В общем, сильно не спорила.

К своему желанию надры- ва отношусь осторожно. Русские артисты известны тем, что любят развернуть меха эмоций до предела... Это не всегда здорово.

— Во «Льве зимой» вы снимались на одной площадке с американцами. Если можно, несколько слов о различии школ.

— Наблюдая, как работают голливудские актеры, научилась ценить чувство меры в нашей профессии. Работа Глен Клоуз, которая из дубля в дубль может, не деляя чрезвычайно новых импровизаций, оставаться сильной, наполненной, напряженной. Знать точно, чего хочет, не теряя этого ощущения ни на миг.

— Наши актеры отличаются тем, что предлагают режиссеру на дублях совершенно новые, неожиданные решения...

— Не думаю, что это хорошо или плохо. Уникальность русской актерской природы — в изобретательности. Страшен перебор. Особенно если режиссер неточно знает, чего хочет (бывает и такое), важно иметь собственный ограничитель, внутренний компас, который выведет...

— Работа в Америке — еще один трудный экзамен, добавивший уверенности в собственных силах или сомнений?

— Принесший уверенность в том, что могу играть по-английски без акцента, я очень волновалась...

Поэтому горжусь, что озвучивала в фильме себя сама. Но даже просто быть на «одной доске» с такой великой актрисой, как Глен Клоуз, — фантастическая школа. Ходила смотреть, как она играет, даже когда у нас не было об-

ра. Не знаю, почему режиссер предпочел меня. Казалось, я ему не очень-то и нравилась... Вообще наша профессия — не точная наука, которую можно «выучить». Боюсь состояния, когда неинтересно.

— Вы снимаетесь редко. Мало предложений? Строгий муж, он же семейный менеджер, не разрешает сниматься?

— Интересных предложений в самом деле крайне мало. После фильма Прошкина «Игры мотыльков» у меня не было сомнений, хочу ли я

Юлия ВЫСОЦКАЯ:

Я была счастлива в военном городке

На экраны выходит «Солдатский декамерон» Андрея Прошкина: веселые солдатские байки как репетиция смерти

ших сцен. Мощная, глубокая актриса. Это качество и целовеского содержания в том числе. Не убавляя накала драматизма в каждом дубле, не позволяя бесконтрольных эмоций. Я слышала, как одна молодая актриса спрашивает актрису в возрасте: «Боже мой, вы так плакали, так плакали... Как этого добиться?». «Милая, самое трудное — сдержаться». С возрастом женский эмоциональный аппарат становится более подвижным. А тут железный контроль.

— Мне кажется, вам нравится сам процесс учебы. После Белорусской академии искусств и главных ролей в театре вы продолжили учебу в Лондонской академии музыки и драматического искусства. Но ведь в кино вы снимаетесь уже с начала 90-х, когда появились драма «Пойти и не вернуться» и комедия «Игра воображения».

— Фильм Князева — напряженная минималистическая экранизация повести Василия Быкова. Всего два акте-

у него сниматься. Пошла бы и на крохотную роль. Хотелось посмотреть, как он работает с актерами. Подобного уровня предложений нет. Вячеслав Кристофович, автор «Ребра Адама», — тончайший режиссер. Звал меня весной сниматься. Я не могла по своему календарю. Как этого добиться? «Жизнь слишком коротка, чтобы страдать на работе», — говорит мой муж. До предложений чистого ширпотреба стараюсь не опускаться. Не хочу тратить жизнь на то, во что сама не верю.

— Насколько мнение Андрея Сергеевича решающее в момент выбора роли?

— Очень значимо. Если скажет: «Тебе не стоит этого делать», скорее всего, открыто говорю: откажусь. Дело не в самостоятельности решения. Он большой мастер, проживший жизнь в искусстве, много сделавший. Я в сравнении с ним не то что из пеленок, может, из утробы еще не вышла...

— Про компромиссы. Двое детей, киносъёмки, театр. Телевизионная программа «Едим дома» — в еженедельной сетке. Как планируете время, тратите силы, эмоции?

— Есть вещи, которые необходимо делать, несмотря ни на что. Проект «Едим дома» должен регулярно сниматься. Я в него уже ввязалась. Хочешь не хочешь, болеют дети — снимаюсь. В этом смысле жестокая профессия. В Белоруссии знала актрису, у которой в середине второго акта спектакля трамвай сбил ребенка. Она доигрывала, зная об этом. Оправданно ли это, не знаю, но это так. Что же

касается выбора, на первом месте у меня семья: муж, дети. Только ради чего-то важного, действительно интересного... Понимаешь: другого шанса не будет — и решаешь работать. Причем без чувства вины по отношению к детям. Пока есть силы, нужно делать как можно больше интересных вещей. Особенно в нашей профессии, недолговечной для женщины. Думаю, лет через 20 во мне уже не будет острой потребности.

— Ваши театральные работы вызвали неоднозначную реакцию критики...

— И Нина Заречная на сцене Моссовета, и мисс Жюли в Театре на Малой Бронной — роли трудные, пьют много крови. Но в своей сложной драматургии они перекликаются, как музыкальные мотивы.

— И как тема женской судьбы, потеря себя в любви к мужчине... Вам не мешает личное благополучие, когда предстоит прожить сломанную драматическую судьбу?

— Мне думается, человек должен быть счастливым, чтобы играть несчастье. Какие-то беды, неудачи лично мне мешают. Хотя в результате, наверное, все это как-то перерабатывается, впечатывается в глаза — единственную видимую часть мозга. Известно: как бы женщина хорошо

ни выглядела, глаза все равно расскажут, сколько ей лет, сколько пережило, сколько мужчин она любила...

— Примерно, как крути на дереве...

— Для того чтобы погрузиться на сцене в роль, мне не нужен допинг внешних раздражителей и горестей. Для этого достаточно владеть профессией.

— Как вспоминается жизнь в военном городке. Мрак?

— Что вы, в детстве мы так счастливы, что способны многого не замечать... Когда рядом мама... Запахи, цвета — все это для меня окрашено романтикой. Мама могла разбудить в пять утра: «Лелик, посмотри, какой восход». Горы под облака, окрашенные немыслимым цветом. Летом все увито виноградом. (Отчим служил в Армении.) У меня не было переходного возраста. Я как-то вдруг сразу поняла, насколько жизнь вокруг сложна. Насколько несчастливы люди вокруг. Особенно женщины, и моя мама в том числе. Поэтому вся проблемная энергия взросления была направлена на сострадание, помощь окружающим. Что потом, видимо, и переработалось в те самые круги «деревянные» в глазах. Что, не видно?

● Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

«Я слышала, как одна молодая актриса спрашивает актрису в возрасте: «Боже мой, вы так плакали, так плакали... Как этого добиться?» «Милая, самое трудное — сдержаться»